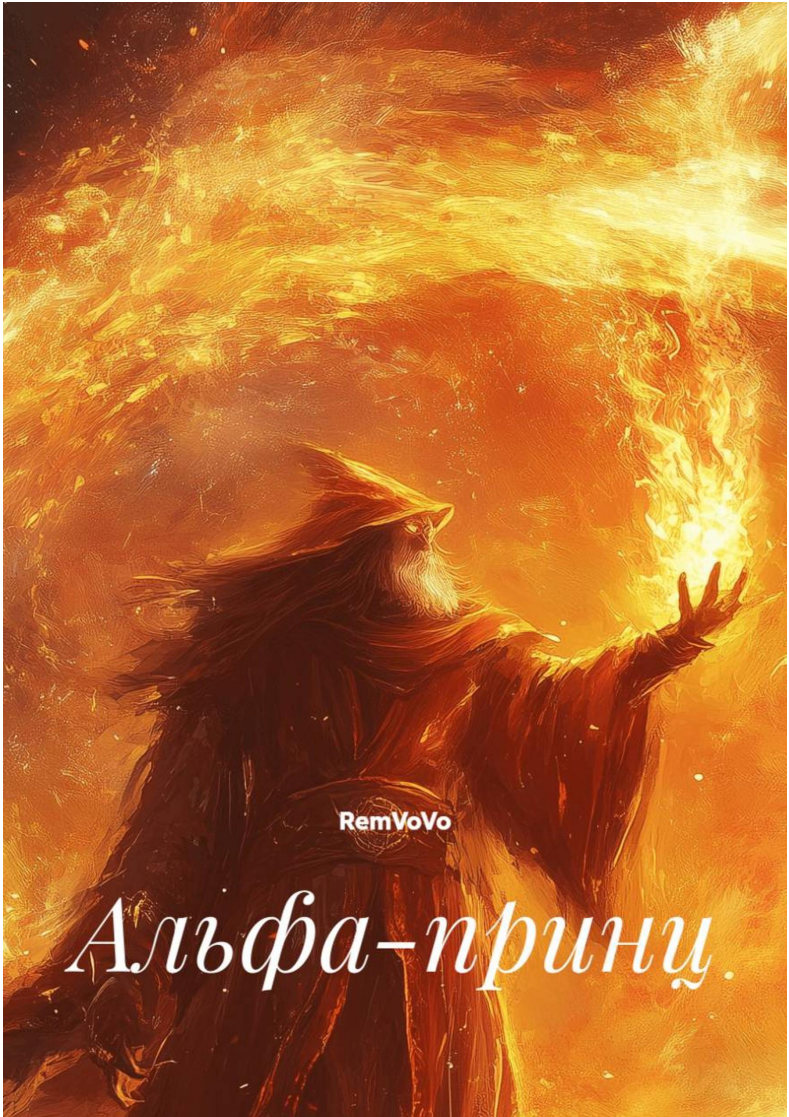

RemVoVo
Альфа-принц.

RemVoVo RemVoVo

Альфа-принц

https://litres.ru/74731832
SelfPub; 2026

Аннотация

Принца межгалактической империи убили свои. Он очнулся в теле крестьянина, которого избивают за околицей: магии нет, сил нет, за спиной — только «Имперский Устав», система, что видит в нём наследника. Чтобы вернуть имя, Тиму придётся выиграть турнир, переиграть лорда и не сломаться, когда предаст друг. Любовь, предательство и турнир, где на кону не титул, а право остаться собой. ЛитРПГ о цене власти: снова стать тираном — или научиться быть лидером.

Содержание

Глава 1. Пепел 4
Глава 2. Крестьянская доля 21
Глава 3. Устав 34
Конец ознакомительного фрагмента. 40

RemVoVo
Альфа-принц

Глава 1. Пепел

Казнь началась в семь утра, и я распорядился подать завтрак на балкон. Как я люблю смотреть на чужую смерть, это во мне разжигает аппетит. И не только к еде. Надо потом и в гарем свой заглянуть. Там девушки всегда готовы меня принять и порадовать.

Казнь при людно это была не жестокость. Жестокость — когда казнишь тайно, в подвале, и потом делаешь вид, что ничего не было. Я казнил открыто, при полном составе дворцовой площади, чтобы каждый видел: Империя вечных огней не прощает слабости. В том числе моей собственной — если я когда-нибудь её проявлю.

— Ваше Высочество, — сказал советник Вэйл, стоя за моей спиной. — Третий осуждённый просит слова.

— Пусть говорит. Люблю послушать их бредни о том что их жизнь имеет смысл и смерть принесет пользу обществу. Меня это забавляет.

Я не обернулся. Внизу, на помосте, человек в рваной грязной рубахе черного цвета поднял голову. Я знал его. Капитан дворцовой стражи, который два года назад вытащил ме-

ня из горящего шатла после покушения на окраине системы Тирон. Тогда он кричал, что умрёт за меня и я спаситель галактики. Сейчас он кричал, что я — выродок, который продал Империю Совету Федерации Солидарность.

Люди меняются. Или, точнее, люди всегда были тем, чем были, а я просто недостаточно внимательно смотрел. Хотя я всегда один, с самого детства как играл с солдатиками и любил устраивать им игрушечные казни за неповиновение.

— Отрубить глупую голову. Все равно в ней только опилки а не мозг, но не беда, — сказал я и взял чашку горячего кофе что ласкало мое обоняние.

Клинок опустился. Я сделал глоток. Кофе был слишком горячим, и я обжёг язык — мелочь, которая почему-то разозлила меня сильнее, чем всё остальное за неделю. Хотя в ней была неудачная попытка переворота и две попытки покушения на меня от заговорщиков. Короче обычная неделя в Империи вечных огней думал я.

— Вэйл, кто готовил?

— Простите, Ваше Высочество?

— Кофе. Кто готовил кофе.

— Я… не знаю, Ваше Высочество. Кухня. Кто то там. Кухарка или ее дети.

— Найдите и накажите. По всей строгости. А то я что то вас всех избаловал своей безграничной любовью. Федерация не должна понять что я настолько слаб что не могу кофе попить нормально.

Он поклонился максимально низко для его положения и возраста. Я поставил чашку. За спиной, у самых дверей, стояли двое. Я знал их в лицо. Я всегда знал всех в лицо — это была моя работа. Это была моя фишка. Память для принца очень важна. Так мой отец основатель Империи говорит.

Первый шагнул вперёд. Я успел подумать: «Наконец-то хорошие новости из Федерации Солидарность. Договор готов мы войдем в нее в статусе автономии и сможем спокойно начать войну с соседями имея такого грозного союзника».

Клинок вошёл под лопатку, точно, профессионально, без крика и без пафоса, я бы не будь на месте того кому вошел клинок бы похвалил за достойную работу его. Второй ударил в бок. Я почувствовал не боль — боль пришла позже, — а холод. Странный, аккуратный холод, будто кто-то открыл окно в комнате, где и без того было зябко. Яд. Они используют яд из семян дерева Миру. Интересно их привезли контрабандой или они взяли его из моего сада. Вот дурак я это дерево сам в детстве посадил, цветочки понравились на одной из картинок. Вот ведь судьба.

Я упал на колени. Фарфоровая чашка покатилась по белому мрамору, оставляя коричневый след.

— Империя… — начал я поднимая руку к небу.

И не закончил. Хотя дальше хотел сказать «Вечна»

Последнее, что я увидел, была площадь. Тридцать тысяч человек, которые смотрели, как умирает их принц, и ни один не двинулся с места. Ни один не закричал. Они просто смот-

рели — так, как смотрят на объявление о повышении цен. О том как меняют в лавке продукты на новые выкидывая старье. Ни один не стал рыдать обо мне. Все ждали моей смерти. Стало обидно ведь я столько сделал для них. Войдя в Солидарность мы получили бы от них «Три выплаты в день» и цифровую валюту солидарность. Голод бы был побежден и мы бы стали лучше чем были до этого. Хотя некоторым эта идея не понравилась.

Я подумал: *«Значит, вот как это выглядит со стороны. Великие уходят, обычные живут в безвестности»*.

И умер.

Очнулся я от того, что меня били по рёбрам. Наголо, без разбора много ног. Грязных и выкрикивая ругательства

Это было первое, что я понял: не «где я», не «кто я», а именно — меня бьют. Нога в стоптанном сапоге вошла в бок, и я согнулся, хватая ртом воздух, который пах не мрамором и не кофе, а навозом, мокрой шерстью и дымом.

— Встал, встал, — сказал кто-то сверху. — Ты чего, Тим, сдохнуть решил?

Я поднял голову.

Надо мной стояли трое. Парни лет семнадцати-восемнадцати, в грубых рубахах, с лицами, которые я привык видеть в отчётах о бунтах, просто беднота. Те кем я много раз пренебрегал и закрывал им бреши на войне. Один держал палку. Второй — мешок. Третий просто ухмылялся, и эта ухмылка была самой неприятной, потому что в ней не было злобы.

Только скука. Так я выглядел на своей последней казни которая стала моей собственной.

— Ты глухой? — Палка ткнула меня в плечо. — Говорю: встал. Ты совсем тупой. Ты же не думаешь что так легко отделаешься от нас.

Я лежал на земле. На настоящей земле — не на полу, не на палубе, не на платформе. Пальцы сами сжали комок грязи. Я чувствовал каждый камешек, каждую травинку, каждую трещину в собственной коже.

Это не сон и не виртуальность. Во сне не бывает таких подробностей. Во сне не болит так тупо и так честно. Как и в вирте.

Я попытался встать и не смог.

Это было… ново.

За двадцать шесть лет я вставал всегда. С постели, с колен, с пола после тренировки, из-под обломков шатла. Из под тел девушек в гареме что не могли двигаться после моих экспериментов. Тело слушалось. Тело было инструментом, и инструмент был отличный — имперская генетика, семь часов тренировок в день, лучшие врачи галактики.

Сейчас я попытался поднять руку — и рука поднялась, но с таким трудом, будто весила втрое больше. Я посмотрел на неё. Тонкая. Грязная. С обломанным ногтем на большом пальце. Не моя. Того кто всю жизнь голодал и был бедняком. Тем кто привык к тяжелой работе а не к роскоши и наслаждениям дворцовой жизни.

Я знал, что должен почувствовать ужас. Но вместо ужаса пришло другое, сухое и холодное: «Ладно. Разберёмся. Главное я жив, а это уже что то да значит».

— Он вообще невменяемый, — сказал парень с мешком. — Гриш, может, хватит?

— Хватит, — согласился тот, что с палкой.

Палка опустилась мне на спину. Я даже не застонал — просто вжался в землю и ждал. Это оказалось легко. Ждать я умел. Годы королевского воспитания, суровые годы когда меня учили управлять межгалактической Империей вечных огней.

Они ушли, смеясь. Я лежал в грязи и смотрел, как над деревней поднимается солнце — большое, красное, слишком близкое. Не такое, как в Империи, где свет был отфильтрован и дозирован, чтобы не вредить сетчатке. Здесь оно было грубым и живым. Что за примитивная планета даже купола нет. Нет ничего что мне было знакомо.

Я лежал, наверное, минут десять. Потом сел.

Первое, что я сделал, — осмотрел себя. Не из тщеславия, хотя оно у меня было в избытке и я гордился своим телом раньше, а по привычке: раненый должен знать, где у него повреждения. Рёбра — целы, но болят. Левое предплечье — ссадина. Губа разбита. Одежда — грубая рубаха, штаны, верёвка вместо пояса. На ногах — те самые стоптанные сапоги, похожие на те которыми меня били. Значит я такая же беднота как и те мальчишки.

Второе, что я сделал, — посмотрел по сторонам.

Деревня. Двадцать, может, тридцать домов, крытых соломой. Колодец посередине. Пыль. Куры. Старик на завалинке смотрит на меня без всякого интереса, как на предмет мебели. Женщина несёт воду на коромысле и не поворачивает головы. Все живут мирной жизнью и на возню ребятишек даже с дракой ноль внимание.

Тридцать человек видели, как меня бьют. Никто не вмешался.

Я узнал это чувство. Я его уже испытывал — сегодня утром, на балконе.

Значит, вот как это выглядит со стороны. Когда тебя игнорируют и всем на тебя плевать.

Я засмеялся. Разбитая губа отозвалась болью, и смех вышел сиплый, некрасивый. Старик на завалинке покосился на меня и сплюнул.

Моя рука почувствовала на шее медальон. Такой я носил в Империи это наш устав в виде печати. Но он выключен. Хорошо что он со мной в ним мне стало спокойнее. Я понял что хотя бы связь с родиной есть хотя и не прямая.

— Тим! — раздалось от ближнего дома. — Тим, ты чего расселся, скотина? Воды кто носить будет?

Я обернулся.

Женщина лет сорока, с руками, красными от стирки и готовки, и лицом, на котором усталость была не выражением, а формой с рождения. Она смотрела на меня так, как смот-

рят на сломанный инструмент, который жалко выбросить но чинить нет денег.

— Ты чего уставился? — сказала женщина. — Иди воды набери. И не вздумай опять с этими связаться, я тебе голову оторву.

Я открыл рот, чтобы сказать что-нибудь. Что именно — я не знал. «Женщина, вы говорите с принцем Империи Вечных огней и вас бы за такие слова выпороть»? Это было бы смешно.

— Хорошо, — сказал я не веря своему голосу. Это сказал отголосок моего тела, парня что жил в нем до меня, остаточная память что говорила не сморить с ней.

Слово вышло чужим. Я не произносил его много лет никому кроме отца основателя. У меня в лексиконе не было «хорошо» — было «исполняйте», «допустимо», «я недоволен».

Женщина моргнула, будто не ждала другого ответа, и ушла в дом. Такой же с соломенной крышей и ветхий как и остальные.

Я встал. Колени дрожали. Это было унизительно — но, как ни странно, не оскорбительно. Унижение — это когда тебя унижает кто-то. А здесь просто тело не слушалось, и в этом не было ничьей вины. Это просто физиология и все. Ты же не будешь ругаться на собаку которая лает на кошек. Это их физиология и все.

Я взял вёдра. Дошёл до колодца. Набрал воды. Донёс до

дома. Вылил в бочку. Все на автомате и даже не думая. Как будто выполнял в тренажере программу абордажа вражеского корабля. И только тогда, на третьем ведре, когда руки уже горели, передо мной что-то мигнуло.

Полупрозрачная рамка, висящая в воздухе на расстоянии вытянутой руки. Буквы — незнакомые, но я их понимал. Это было страннее всего: я смотрел на письмена, которых никогда не видел, и читал их так же легко, как свой родной язык. Хорошо что я за годы в Вирте много симуляций прошел и надпись для меня не стала шоком.

ИМПЕРСКИЙ УСТАВ

Носитель: Тим. Статус: крестьянин. Уровень 1.

Сила 2. Ловкость 3. Выносливость 2. Интеллект 12.

Доступно ядро: имперское (нестабильно).

Внимание: физический носитель не соответствует требованиям ядра. Применение имперских техник сопряжено с риском для жизни.

Я стоял с ведром в руке и смотрел на цифры.

Двенадцать. Интеллект двенадцать. Остальное — два, три, два.

За двадцать шесть лет я привык, что я — лучший. Не «один из лучших», не «выше среднего». Лучший из лучших. Меня растили так, чтобы я был лучшим, и я соответствовал всем требованиям. Шесть языков. Три боевые школы. Стратегическое планирование с двенадцати лет. Я мог разобрать экономику системы за час и найти в ней дыру, через которую

утекают деньги. И найти лазейку в самой лучшей обороне космической крепости или планетарной обороне.

А сила — два. У крестьянина, который не может донести три ведра воды.

Я усмехнулся. Ведро качнулось, вода плеснула на ноги.

— Ладно, — сказал я вслух. — Начнём с двух.

Устав мигнул и исчез.

К вечеру я знал три вещи.

Первая: эту женщину зовут Марта, и она — мать Тима. Того Тима, в чьём теле я оказался, прошлого хозяина тела в котором я очнулся. Настоящего Тима. Я не знал, что с ним случилось — умер ли он, ушёл ли в другое тело, — но его место занял я, и это надо было как-то вынести. Я не против того что бы жить хоть в этом теле. Это лучше чем пустота смерти.

Вторая: деревня называется Золотые Ключи из за чистой воды из источника что дарует увеличение сил и поднятие выносливости. Она принадлежит лорду Хорту — мелкому землевладельцу, у которого три деревни, двадцать человек охраны и амбиции размером с герцогство. Но ума у него мало а денег еще меньше. Мир точно не мой. Нет ни слова о Империи вечных огней и Федерации Солидарности. Так же о космосе знают мало и вообще тут похоже развитие остановилось на средневековье.

Третья: я больше не принц.

Это последнее я осознал не сразу. Осознание пришло, ко-

гда я сел за стол и Марта поставила передо мной миску с похлёбкой — жидкой, серой, с двумя кусками репы. Я посмотрел на неё и понял: это всё. Не будет второго блюда, не будет десерта, не будет выбора. Это — еда. Другой нет. Не будет после обеденного развлечения когда я остатки еды кидал слугам которые дрались за нее что бы не умереть от голода. Как я смогу прожить без этого, это же самое веселое в еде.

Поэтому я съел всё. До дна. Вылизал ложку, потому что так делали все за столом, и не потому, что я решил «стать своим», а потому что был голоден так, как не был голоден никогда в жизни. Желудок на удивление спокойно принял это пойло и даже радостно заурчал от удовольствия. Интересно как же еще я глубоко паду в этом мире.

Марта смотрела на меня искоса. Мамой у меня не поднялся язык назвать это глупое существо что было похоже на свинью.

— Ты сегодня странный, — сказала она наконец.

— Я всегда странный, — ответил я.

Она фыркнула. Кажется, это была шутка, и она её приняла. Интеллектом за столом кроме меня ни кто не обладал.

За окном стемнело. Я вышел во двор — подышать. Устав висел перед глазами, стоило о нём подумать: тонкая рамка, цифры, статус. Я уставился на слово «крестьянин» и почувствовал, как внутри что-то дёрнулось.

Не обида. Обида — это когда ты считаешь, что заслуживаешь большего, а тебе не дают. Я не считал. Я просто не по-

нимал, как с этим жить. Все таки я достоин хотя бы начального статуса граф или лорд. Ну на крайний случай рыцарь. Но крестьянин это низший уровень из разумных что могут быть. Даже не воин. Хотя и это для меня было бы не лучшим результатом.

— Покажи имперские техники, — сказал я тихо.

Устав отозвался мгновенно, будто ждал.

Доступно: «Имперское присутствие» (ур. 1).

Эффект: кратковременное подавление воли цели. Радиус — 3 шага текущего носителя.

Цена: 15 единиц выносливости. При выносливости носителя ниже 5 — риск физического отката.

Требование: сила ≥ 5. Текущая сила: 2. Применение в обход требования — критический риск.

Я прочитал это трижды.

Потом посмотрел на свои руки. Тонкие. Грязные. С обломанным ногтем.

— Критический риск, — повторил я.

И, как последний идиот, активировал.

Не знаю, зачем. Может быть, хотел проверить, работает ли это вообще. Может быть, хотел почувствовать себя собой хотя бы на секунду. Может быть, просто устал быть тем, кого бьют палкой.

Ощущение было знакомым: волна холода от позвоночника к горлу, будто кто-то вылил в тебя лёд. Я почувствовал, как вокруг меня сгущается воздух. На секунду мне показа-

лось, что я снова стою на балконе, и весь мир смотрит на меня снизу вверх.

Потом меня вырвало кровью.

Я упал на четвереньки. Кровь шла носом и горлом, стучала в ушах, заливала подбородок. Я хрипел, пытаясь вдохнуть, и не мог — лёгкие свело, будто в них налили свинца. Перед глазами плыло.

Устав висел рядом, спокойный и аккуратный:

Физический откат. Носитель не соответствует требованиям ядра.

Рекомендация: не применять имперские техники до достижения силы 5.

Выносливость: 0/2.

— Спасибо, — просипел я, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Очень… полезно.

Откат длился минуты три. Потом я смог встать. Потом — дойти до бочки и умыться. Вода была ледяная, и от неё голова стала ясной. Настало время подумать. Пока я так слаб использовать не буду.

Я стоял во дворе, мокрый, с солёным привкусом крови во рту, и смотрел на звёзды. Их было слишком много. Не как в Империи, где свет городов гасил половину неба. Здесь небо было полное, наглое, чужое.

Ладно, — подумал я. — Сила два. Значит, будем качать силу. Это самое простое решение которое я вижу.

Звук пришёл со стороны дороги.

Я обернулся. По деревне ехали трое верховых и одна повозка. Факелы. Собаки подняли лай. Марта выскочила из дома, бледная.

— Налоговики, — сказала она шёпотом. — Тим, иди в дом. Тим, слышишь? Ты негодник не высовывайся. Тебя же убьют и собакам кинут.

Я не пошёл в дом. Я стоял и смотрел, как повозка останавливается посреди деревни, как старшина — тот самый старик с завалинки — выходит встречать с поклоном, как человек в кожаном плаще, не слезая с коня, произносит что-то короткое.

— Мало, — сказал он. — Лорд Хорт недоволен. Вы простолюдин обнаглели и в казну платите мало. Зерна мало. Всего мало.

— Так урожай плохой, ваша милость, погода ужасная,— сказал старик. — Сами видите…

Человек в плаще посмотрел на него строго поднимая брови. Просто посмотрел. И старик замолчал.

Я знал этот взгляд. Я его сам использовал много раз. Это был взгляд человека, который не спорит, потому что у него есть право не спорить. У него есть право наказывать и брать то что хочет.

— Забирайте, — сказал человек в плаще.

Охранники пошли по дворам. Я видел, как из сарая выкатывают бочку с зерном. Как из хлева выводят корову. Как Марта стоит у ворот, сжав руки в кулаки, и молчит, потому

что кричать бесполезно. И звать власть бесполезно, власть пришла за своим. И лучше не сопротивляться так меньше возьмут.

Повозка заполнялась. Деревня молчала. Двадцать домов, тридцать человек, и все молчали. Как бараны перед стаей волков.

Я стоял в темноте и чувствовал, как во мне поднимается что-то старое, холодное и очень знакомое. Не ярость. Ярость — бесполезна. Это было чувство, с которым я жил двадцать шесть лет: *«Это неправильно, и я это исправлю, не важно как это же мой долг как принца»*.

Только теперь у меня была сила два. И я крестьянин без власти.

Человек в плаще обернулся и посмотрел прямо на меня. Сквозь темноту.

— А это что за пиздюк? — спросил он.

— Тим, — сказал старик торопливо. — Дурной он, ваша милость. Не обращайте внимания. Местный юродивый. Только мычать может не обращайте внимание. Это вообще не стоит вашего времени он пустое место. — Старик показывал мне за спиной что бы я ушел домой. А он не такой плохой как я думал. Все таки я небезразличен всем как я думал первоначально.

Взгляд задержался на мне ещё секунду. Потом человек в плаще отвернулся, тронул поводья, и повозка покатилась к выезду.

Они уехали так же неожиданно как и приехали. Марта дала мне затрещину в ухо и ушла в дом и не вышла. Деревня легла спать.

Я остался стоять во дворе потирая ухо. Поднял руку, посмотрел на неё — тонкую, грязную, с обломанным ногтем. Не ту руку которая могла бы остановить грабеж. Не та которая сможет изменить этот мир.

— Сила два, — сказал я тихо сиплым голосом. — Выносливость два. Еще не время.

Устав мигнул, отзываясь на мысль:

Текущая цель: восстановить физическую форму.

Прогресс: 0/100.

Награда: навык «Имперская стойкость».

Я сжал кулак.

За двадцать шесть лет я получил всё, что имел, потому что был принцем. Титул, образование, тренировки, право приказывать. Свой личный гарем с самыми прекрасными девушками с которыми я был настоящим доминатором. Теперь ничего этого не было. Был только я, моя голова и тело, которое меня не слушалось. И конечно то что я молод и жив. Прошлая жизнь закончилась провалом, мне дан новый шанс и я не повторю прошлые ошибки.

И это, как ни странно все было честно. Впервые в жизни мне никто ничего не был должен. Всё придётся взять самому — и не силой, потому что силы не было, а чем-то другим. Своей харизмой и интеллектом.

— Ладно, — сказал я в темноту. — Сначала — тело, потом душа и удовольствия.

Я посмотрел на дорогу, по которой уехала повозка. Где-то там был лорд Хорт. Три деревни. Двадцать охранников. Амбиции размером с герцогство.

Потом — всё остальное. Все чего мне нужно там, не здесь точно.

Я вернулся в дом, лёг на соломенную подстилку в углу и закрыл глаза. Рёбра болели. Губа саднила. В голове всё ещё гудело от отката. Но я улыбался. Я жив. Я открыт для роста и для успеха.

И, засыпая, я поймал себя на мысли, которая была бы невозможна для Рэма, принца-доминатора, наследника межгалактической империи:

«Надо бы узнать, как зовут этих троих, что били меня палкой. Не для мести. Просто чтобы знать, с кем работать. С кем надо будет управлять».

Устав мигнул в темноте, будто улыбнулся.

Задание принято.

Глава 2. Крестьянская доля

Утро началось с того, что я не смог встать.

Не в переносном смысле — в самом прямом. Я открыл глаза, увидел над собой соломенную крышу, вспомнил всё, что случилось вчера, и попытался сесть. Мышцы живота отозвались такой болью, будто их кто-то натянул на гвозди. Рёбра — те самые, которые вчера обработала нога в стоптанном сапоге, — горели ровно и тупо, как зуб который гнил месяц.

Я полежал ещё минуту. Потом медленно крехтя как старик сел. Потом встал на ноги.

Это заняло, наверное, минуты две. Принц Рэм вставал с постели за полторы секунды, и это считалось нормой. Тим из деревни Золотые Ключи вставал две минуты и после этого ещё минуту стоял, держась за стену. Все болело у него и для этого тела это было в привычку. Парень был местным отбросом среди отбросов, это много говорит о нем самом.

Ладно, — подумал я. — Запишем: минус полторы секунды. Будем отыгрывать.

Марта уже была во дворе. Она выливала воду из большого корыта и, увидев меня, кивнула на дверь:

— В поле. До солнца.

Я вышел. Деревня Ключи утром выглядела не лучше, чем вечером. Та же пыль, те же куры, тот же запах навоза, который я вчера принял за временное неудобство, а сегодня по-

нял как постоянную величину. За домами начинались поля — узкие полосы, разделённые межами, с всходами, которые я не смог опознать.

У околицы стоял старик — тот самый, с завалинки. В руке у него была палка, которой он чертил на земле что-то похожее на план.

— Тим, — сказал он, не поднимая головы. — Ты сегодня на дальнем клине. С Гришем.

— Хорошо.

Старик поднял на меня глаза. Вчера он смотрел на меня как на мебель. Сегодня — как на мебель, которая внезапно заговорила.

— Ты чего такой вежливый?

— Ударили по голове, — сказал я. — Говорят, помогает.

Он хмыкнул. Кажется, это была шутка, и он её принял. Второй раз за сутки.

Хорошо что остаточные воспоминания были у меня от прошлого владельца тела и я точно знал куда идти. Дальний клин был в получасе ходьбы. Полчаса я шёл по пыльной дороге, и за это время успел составить мнение о сельском хозяйстве деревни Ключи.

Мнение было плохое. Полосы были нарезаны как попало. Межи кривые. Вода из ручья шла по канаве, которая местами осыпалась, и половина её впитывалась в землю, не доходя до дальних участков. Всходы на ближних полосах были гуще, чем на дальних, — и причина была не в почве, а в том,

что дальние просто недополучали воды.

Это была не бедность. Это была неэффективность и халатность тех кто ее обрабатывал. И я, человек, который двадцать шесть лет управлял системами планетарного масштаба, смотрел на это и чувствовал физический дискомфорт, будто у меня чесалась изнутри голова. Это было так глупо и мерзко. Зачем крестьяне сами у себя воровали урожай своим разгильдяйством.

— Тим! — окликнули с полосы. — Ты чего встал, как столб?

Гриш.

Он стоял с мотыгой в руках. Парень лет восемнадцати, широкий в плечах, с лицом, которое я вчера запомнил: то самое, что ухмылялось, пока меня били палкой. Рядом с ним — двое, которых я тоже запомнил. Тот, что с палкой, и тот, что с мешком.

— Ты вчера ничего не понял? — спросил Гриш, подходя.

— Понял, — сказал я. — Рёбра болят.

Он остановился. Посмотрел на меня. Я видел, как он думает: «Бить или не бить?» — и как в голове у него взвешиваются две вещи: привычка и что-то новое, что он во мне не узнавал.

— Ладно, — сказал он наконец. — Работай.

И ткнул мотыгой в мою сторону полосы. Мы работали до полудня. Я — медленно, неуклюже, с непривычки. Мотыга в моих руках была инструментом, которого я не знал; я при-

вык к клинку, к пульту управлению крейсером, к перу который лишает жизни и награждает герое. Каждый удар мотыги отдавался в плечах сильной болью, и к третьему часу я понял, что такое настоящая усталость: не та, что после тренировки, а та, что после тренировки, которую ты не выбирал а выбрали за тебя.

Гриш работал рядом. Он не помогал, но и не мешал. Иногда поглядывал.

— Ты вчера какой-то был, — сказал он вдруг.

— Какой?

— Не такой. — Он пожал плечами. — Раньше ты ныл как девчонка. А вчера — молчал как рыба.

Я не ответил лишь развел руки. Мне нечего было сказать: я не знал, каким был Тим раньше. Меня и не интересовал владелец моего тела. Теперь оно мое и мне хватало этой информации.

К полудню я закончил свою полосу и сел на межу. Гриш и его компания ещё работали. Я смотрел на поле и думал.

Вот ручей. Вот канава. Если углубить её на пол-локтя и пустить воду по двум отводам, дальние полосы получат столько же, сколько ближние. Урожайность вырастет не потому, что земля станет лучше, а потому, что вода дойдёт. И это не сложно сделать.

Вот межи. Если перерезать их и нарезать полосы заново — не по привычке, а по рельефу, — можно добавить процентов десять пашни без всякой магии.

Вот почва. Её не меняли, наверное, лет двадцать. Если пустить по полю скот после уборки, земля отдохнёт.

Это были простые вещи. То что должны знать все. Я знал их из курса планетарной логистики — не потому, что я гений, а потому, что так работала Империя Вечных Огней: если система неэффективна, её перестраивают, иначе она падет и сгниет.

Только вот, — подумал я, — в Империи я мог отдать приказ, и его исполняли. А здесь я могу только предложить. И то не факт, что выслушают. И вообще за такую дерзость меня могут и поколотить.

— Тим.

Я обернулся. Староста стоял на дороге с палкой в руке.

— Иди сюда.

Я подошёл. Он смотрел на меня с тем же выражением, что утром: мебель которая не имеет ни каких прав а только обязанности.

— Ты вчера на налоговиков пялился, — сказал он.

— Пялился.

— Зачем?

Я подумал, стоит ли врать. Врать я умел лучше, чем пахать.

— Странно, — сказал я, — что мы отдаём им зерно, а воду в канаве починить не можем. Канава — наша. Вода — наша. А зерно — их. Не правильно все это.

Староста молчал. Потом сказал:

— Ты бы помалкивал.

— Я помалкиваю перед ними. Я вам говорю.

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

— А толку? — спросил он. — Канаву починить — это работа. Работа — это руки. А руки — это еда. А еда — это зерно. А зерно — это налог. Ты понимаешь, о чём я?

— Понимаю, — сказал я. — Вы бедные, потому что бедные. И это круговорот жизни.

— Вот именно, — сказал он, будто я наконец сказал что-то умное. — Вот именно.

И ушёл.

Я смотрел ему вслед и думал: «Нет. Это не „вот именно“. Это замкнутый круг, и у него есть разрыв. Просто он не там, где вы ищете».

Через день вечером я пришёл к ручью.

Не чтобы работать — чтобы посмотреть и обдумать будущее. Я сел на камень, опустил руку в воду и почувствовал, как холод забирает усталость из пальцев, не зря вода целебной силой славилась. Устав висел перед глазами, если я о нём думал: сила два, ловкость три, выносливость два.

— Покажи, — сказал я, — что можно сделать с этими параметрами.

Доступно: «Имперская стойкость» (пассив).

Требование: выносливость ≥ 3. Текущая: 2.

Доступно: «Тактический анализ» (пассив).

Требование: интеллект ≥ 10. Текущий: 12. Статус: доступ-

но.

Я замер.

— Активировать «Тактический анализ».

Мир мигнул.

Не сильно — будто кто-то наложил на него вторую картинку. Я смотрел на ручей и видел одновременно ручей и схему: скорость течения, угол наклона берега, точку, где канава осыпается, и ещё три точки, где она осыплется, если ничего не делать.

Я смотрел на поле и видел всходы — и понимал, где они гуще и почему. Прекрасное чувство знания. Мой разум как будто стал шире и я увидел мир лучше.

Это было не ясновидение. Это был просто взгляд. Тот самый, который у меня был всегда, но в Империи я применял его к флотам и бюджетам, а здесь приходилось применять к картошке и урожаю.

И всё равно это работало.

Двенадцать интеллекта, — подумал я. — Вот что у меня есть. Не сила. Не магия. Голова. Разум который всегда лучше грубой силы.

Я встал. И в этот момент сзади раздался голос:

— Ты чего тут сидишь?

Я обернулся. Девушка. Лет восемнадцати-девятнадцати, в простом платье, с сумкой через плечо. Тёмные волосы собраны в узел, руки — не крестьянские: чистые, с коротко стриженными ногтями. На поясе — маленький мешочек, из

которого торчали сушёные травы. Приятная на вид. Такая бы легко украсила бы собой мой гарем в Империи Вечных Огней.

— Отдыхаю, — сказал я улыбаясь как идиот.

— У тебя губа разбита, — сказала девушка. — И ты сидишь у ручья, как будто собираешься в нём утопиться. Этого делать нельзя. Воду отравишь своим трупом. Деревня зачахнет.

— Собирался утопиться после вчерашнего. Но вот тебя увидел и передумал. И еще вода холодная, боюсь замерзну.

Она фыркнула. Потом подошла, села на корточки рядом и без всякого разрешения взяла меня за подбородок.

— Открой рот.

Я открыл.

Она посмотрела, покачала головой, достала из мешочка щепотку травы и приложила к губе. Трава защипала.

— Это ты вчера с Гришем подрался? — спросила она.

— Я не дрался. Меня били.

— А, — сказала она. — Тогда извини. Не поняла всю картину. Ты не сопротивлялся я вижу.

Я посмотрел на неё. Она смотрела на губу своими милыми голубыми глазами в которых я утонул.

— Ты лекарь?

— Я Лина, — сказала она. — Дочь барона Роха.

Я, наверное, моргнул.

— Дочь барона, — повторил я. — И лечишь крестьян у

ручья.

— Бывшего барона, — сказала она спокойно. — У отца отобрали землю три года назад. Мы живём в Золотых Ключах, потому что больше негде.

Она убрала руку и посмотрела на меня.

— А теперь ты скажи, кто ты.

— Тим, — сказал я. — Сын Марты.

— Тим, сын Марты, — повторила она, — вчера вечером сказал старосте, что канаву можно починить. Староста рассказал об этом на площади. Ты знаешь, что в этой деревне никто не говорил про канаву лет десять?

— Не знал.

— Я так и поняла. — Она встала и отряхнула платье. — Ты говоришь как лорд, а пашешь как крестьянин. Кто ты?

Я смотрел на неё. В голове было пусто и ясно одновременно. Она умная и привлекательная девушка таких в деревне я не видел.

— Тот, — сказал я, — кто ещё не решил кем он хочет быть в жизни.

Лина помолчала. Потом кивнула, будто этот ответ её устроил.

— Ладно, — сказала она. — Тогда совет: не говори про канаву при Грише. Он и так на тебя косится.

— Почему?

— Потому что ты странный. А он боится странного. Странное опасно так у нас говорят. У нас скоро турнир про-

винции, так что можешь и ты участвовать. Через три месяца. Победишь станешь кем хочешь. Дают награду золотом. А с ним ты сам себе хозяин. Может и на службу к себе возьмут. А там вообще кем угодно можно подняться. Дочь короля на тебя дурака влюбиться и станешь принцем.

Она смеясь ушла. Я остался сидеть у ручья и думал о ее красивых ножках в дали.

Боится странного, — подумал я. — Значит, странность надо либо объяснить, либо спрятать. Объяснить не могу они все равно не поймут что я из другого мира, а примут за демона и сожгут на костре. Буду прятать странности. Запомню вывод.

Устав мигнул.

Задание: «Восстановить физическую форму».

Прогресс: 3/100.

Примечание: прогресс учитывает только нагрузку выше текущего предела. Работа в поле — не считается.

— Ну конечно, — сказал я вслух. — Конечно, не считается.

Ночью я не спал.

Не из-за боли — рёбра уже ныли глуше. Из-за мыслей. Я лежал на соломе, смотрел в потолок и считал.

Тридцать домов. Двадцать человек трудоспособных. Один ручей. Одна канава. Один налог. Один лорд.

Чтобы пройти турнир провинции, мне нужно тело. Чтобы было сильное тело, нужно есть. Чтобы было есть, нужно, что-

бы деревня производила больше еды. Чтобы деревня производила больше, нужно починить канаву, перерезать межи и убедить тридцать человек, что это не блажь дурака. А то что всем поможет жить в достатке.

Тридцать человек. Это была первая политическая задача в моей новой жизни. И она была сложнее, чем казалась: в Империи Вечных Огней я приказывал, и мне подчинялись из страха все. Здесь страх работал против меня — я был никем, и меня никто не боялся. А я т.е. Тим боялся всех.

Значит, не страх, — подумал я. — Значит, выгода. Покажи им выгоду, и они пойдут за тобой сами. Это логично, но как убедить глупых крестьян что им выгодно после дня тяжелой работы еще пол дня работать ради того чего они не понимают.

Я уже почти заснул, когда услышал голоса.

Тихие. За стеной. Двое знакомые голоса.

— …говорит, канава. А сам кто? Никто. Ни кола, ни двора.

Гриш.

— Может, и правду говорит, — второй голос, тот, что с палкой.

— Правду, — фыркнул Гриш. — Знаешь, что про него староста сказал? Что он на налоговиков смотрел косо, как будто прикидывал, как их убить.

— Да ну.

— Точно тебе говорю. А ещё он по ночам во дворе стоит

и с воздухом разговаривает.

Пауза.

— С воздухом?

— С воздухом. Я сам видел. Стоит и говорит. И как будто ему отвечают.

Второй голос засмеялся, но как-то неуверенно.

— Может, он того. Головой тронулся после того, как его мы отделали. Это может быть так батя мне рассказывал.

— Может, — сказал Гриш. — Только знаешь что? Если лорд Хорт узнает, что у нас в деревне живёт пиздюк, который по ночам разговаривает с воздухом и смотрит на налоговиков косо, — он не будет разбираться, тронулся тот головой или нет. Всех плетью накажет. А я и так после последнего наказания спать на спине не могу.

Тишина.

— Ты это… — сказал второй. — Ты чего.

— Ничего, — сказал Гриш. — Я просто говорю.

Шаги удалились.

Я лежал в темноте с открытыми глазами.

Вот оно, — подумал я. — Первое предупреждение.

И, как ни странно, я не почувствовал злости. В Империи я бы уже отдал приказ, и к утру Гриша бы не было. Здесь я лежал на соломе, с разбитой губой и силой два, и понимал, что Гриш прав. Не морально — практически. Я вёл себя как человек, которому есть что скрывать, и он это заметил. Он не злодей. Он просто испуганный парень, который увидел

странность и решил, что от неё надо избавиться.

Значит, — подумал я, — надо сделать так, чтобы странность стала выгодной.

Устав мигнул в темноте.

Новая цель: получить поддержку деревни.

Прогресс: 0/1.

Награда: «Имперская стойкость» (пассив) — досрочно.

Я сжал кулак под соломой.

— Ладно, — сказал я тихо. — Начнём с канавы.

И закрыл глаза.

Глава 3. Устав

Я начал тренироваться в лесу за деревней, потому что не хотел, чтобы Гриш видел, как я отжимаюсь.

Это было не малодушие. Это была стратегия. Человек, который по ночам говорит с воздухом, — странный. Человек, который по ночам говорит с воздухом и ещё до рассвета качает силу, — опасный. Разница между этими двумя состояниями для деревни была примерно как между «дурак» и «колдун», и второе мне не нравилось. И меня за колдовство могут казнить, а жить так хотелось.

Лес начинался в двухстах шагах от крайнего дома деревни. Дальше шла поляна — кривая, с поваленным деревом посередине, — и я решил, что это мой тренировочный зал.

Первый день был унизительным для принца но прогрессом для парня из деревни.

Я знал, как тренируются. Знал по себе: программа, циклы, восстановление, контроль пульса. Имперская школа давала тело, которое слушалось, потому что его строили с детства. Мне же досталось тело, которое не строилось вообще никогда. Я попробовал отжаться — сделал четыре раза и упал лицом в мох. Попробовал подтянуться на ветке — сделал полтора. Попробовал пробежать круг по поляне — пробежал половину и остановился, потому что в ушах застучало.

— Два, — сказал я вслух. — Сила два. Выносливость два.

Ловкость три.

Устав отозвался мгновенно, будто ждал:

Носитель: Тим. Уровень 1.

Сила 2. Ловкость 3. Выносливость 2. Интеллект 12.

Прогресс физической формы: 3/100.

— Три из ста, — сказал я. — Замечательно.

Я лёг на спину, уставился в небо и попытался понять, что именно мне мешает.

Не тело. Точнее, не только тело. В Империи меня учили, что сила — это результат: правильное питание, правильный сон, правильная нагрузка, правильное восстановление. У меня не было ни одного из четырёх. Я ел похлёбку из репы, спал на соломе, работал в поле до полудня и тренировался на голодный желудок.

Это было не «тяжело». Это было неправильно. С точки зрения логистики я пытался разогнать машину без топлива.

— Устав, — сказал я. — Как мне поднять выносливость быстрее?

Рекомендация: нагрузка выше текущего предела с последующим восстановлением.

Ограничение: при недостатке питания восстановление замедляется.

Прогноз: при текущем рационе — 100 единиц формы за 60–80 дней.

Два месяца. Два месяца до того, как я смогу просто нормально тренироваться. Три месяца до турнира, до титула, до

всего.

Я закрыл глаза и посчитал.

— Нет, — сказал я. — Не годится.

Альтернатива: прямое поглощение магической энергии для ускорения восстановления.

Требование: доступ к источнику. Текущий статус: отсутствует.

Магия. Ну конечно.

В Империи магии не было совсем. Была технология, были импланты, были корабли, которые двигались быстрее света. Магия была для нас мифом — чем-то, что изучают в академиях на окраинных планетах, чтобы потом защитить диссертацию и забыть. И получить гранты от бюро паранормального для анализа.

А здесь она была везде. Я чувствовал её, если честно признаться, ещё с первого дня: тонкое покалывание в кончиках пальцев, будто воздух был чуть более плотным, чем должен быть. Я списывал это на нервы. Теперь понял: это был мир, который работал на других принципах.

— Ладно, — сказал я и встал. — Тогда начнём с простого.

К концу первой недели я делал десять отжиманий. К концу второй — двадцать. Прогресс шёл медленнее, чем мне хотелось, но шёл. Устав фиксировал: 11/100. 18/100. 24/100.

За это время я успел узнать деревню.

Старосту звали Пров. Ему было шестьдесят три года, он ходил с палкой не потому, что хромал, а потому, что палка

была символом должности. Он был не глуп — просто устал. Усталость у него была не в теле, а в голове: он двадцать лет считал, сколько зерна отдать, сколько оставить, и двадцать лет у него не сходилось.

Марта работала с утра до ночи и почти не разговаривала. Я понял почему на третий день: у неё был ещё один сын, младше Тима, и он умер два года назад от лихорадки. Лина тогда ещё не жила в деревне. Марта не винила никого. Она просто перестала говорить о том, что было до.

А Гриш… Гриш был интереснее, чем я думал.

Я наблюдал за ним исподтишка — так, как привык наблюдать за людьми в Империи: не глядя прямо, а краем глаза, запоминая и анализируя. Он был не глупым парнем. Он был злым и говнистым парнем, и это была разница. Злой человек хочет, чтобы у другого было хуже. Гриш хотел, чтобы у него самого было лучше, и не знал, как потому что не видел выхода из тупика. Отсюда — палка, насмешки, желание поставить кого-то ниже себя, чтобы самому казаться выше.

Я его понимал. Я видел таких при дворе. Только при дворе они носили шёлк и улыбались. Но сжатый кулак в кармане и меч в ножнах наготове всегда и хотели убить но не могли.

— Ты почему в лес ходишь? — спросил он меня однажды утром.

— Дышу.

— Дышишь, — повторил он. — В лесу воздух лучше?

— В лесу никто не смотрит. И ник то не издевается.

Парень замолчал. Посмотрел на меня. И — я увидел это ясно, как через «Тактический анализ», — в голове у него щёлкнуло: «Он не хочет, чтобы его видели. Значит, ему есть что скрывать».

— Ладно, — сказал Гриш. — Дыши. Но не забывай оглядываться. Тут в лесу небезопасно всякое с таким как ты может случиться магические звери загрызут или разбойники придут. Твои кости и не найдут никогда.

Это было второе предупреждение. Первое я получил ночью под стеной.

И ушёл улыбаясь пиная камушки на дороге. Понятно что он против меня, но что сделать что бы он был за меня я не знал.

Лина нашла меня на поляне на девятый день.

Я как раз заканчивал подтягивания — сделал целых пять раз, что было личным рекордом, — и висел на ветке, пытаясь отдышаться, голова кружилась и пульс бил в висках..

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она.

— Спасибо. Хоть ты видишь меня таким какой я есть на самом деле.

— В смысле — хуже, чем вчера. Ты недоедаешь.

Она подошла и села на поваленное дерево. В сумке у неё, как всегда, торчали травы.

— Я принесла тебе кое-что. — Она достала небольшой свёрток. — Хлеб. С маслом.

Я посмотрел на свёрток. Потом на неё.

— Почему?

— Потому что ты таскаешь воду на всю деревню и при этом худеешь. Это глупо.

Я взял хлеб. Он был тёплый — она несла его завёрнутым в тряпку, чтобы не остыл. Я съел всё. Не спеша, но всё. И это было, честно говоря, вкуснее всего, что я ел за последние две жизни.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что. — Она помолчала. — Ты сказал Прову про межи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.